

Б.А. Плиш

*кандидат наук с государственного управления, начальник отдела
Научно-исследовательского института Министерства обороны
Украины*

Д.Ю. Комаха

*заместитель начальника Военно-дипломатической академии
Министерства обороны Украины*

А.И. Лазарь

*научный сотрудник Научно-исследовательского института
Министерства обороны Украины*

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ

Данный этап мирового развития характеризуется постоянным нарастанием международной напряженности в мире. В статье проведено теоретико-концептуальный анализ международных вооруженных конфликтов. Особое внимание уделено вопросу развития форм терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм, безопасность, вооруженный конфликт, цивилизация.

Размышляя о глобальных мировых тенденциях, включая существующие сегодня геополитические, финансово-экономические и экологические проблемы, человечество не в полной мере осознало, что наибольшую опасность сегодня представляет надвигающийся на нас энергетический и информационный кризис. Человек создал новую среду жизнедеятельности, но мало кто понимает, в какой ситуации мы можем оказаться и как найти правильные пути выхода. Гомеостатическое равновесие затронуто и нарушено – это

очевидно. Мир ждет агония и коллапс как следствие изменения существующего мирового уклада жизни всей мировой экономики, нарастающей экологической катастрофы, бурного развития информационных технологий, или поиск новых адекватных путей дальнейшего более гармоничного развития.

Данный этап мирового развития характеризуется постоянным нарастанием международной напряженности в мире, что является *актуальным*.

Целью данного исследования есть теоретико-концептуальный анализ международных вооруженных конфликтов.

Порой основными субъектами современных геополитических процессов, происходящих на обширных территориях, включая Евроазиатский регион, Африку, Южную и Северную Америку, являются государственные и негосударственные, гражданские или военизированные структуры и системы. Причем, именно невоенные политические механизмы разрешения вооруженных конфликтов, воздействуя на военные средства, сегодня в большей степени определяют масштаб, средства, характер и способы использования военной силы. При этом прямое или опосредованное влияние невоенных политических способов воздействия распространяется практически на все элементы подсистемы военных методов разрешения подобных конфликтов.

Сегодня США и развитые государства все еще возглавляют прорыв в технотронной субкультуре, далеко обогнав другие страны, поставив их в политическую (военно-политическую), финансовую и экономическую зависимость. Для достижения мирового господства мировые лидеры все чаще стали использовать агрессорские методы путем проведения военных операций (войны на Балканах, Ирак, Афганистан, Чечня, Грузия, Африканские войны с участием международных военных организаций и др.). Характерно, что XX век начался и закончился напряженным противостоянием на Балканах в результате возникших противоречий между ведущими государствами.

XXI век принес с собой не только новое качество и формат международных отношений, но и способствовал развитию новых форм и типов военно-политических конфликтов (локальных

конфликтов, асимметричных войн, международных антитеррористических операций и др.), существенно отличающихся от классических войн. На первый план сегодня выдвинуты новые глобальные приоритеты, вытекающие из системы существующих глобальных угроз, политических, социально-экономических, энергетических, конфессиональных, межэтнических и других. Такое лидерство уже в недалеком будущем окажется не перспективным, или даже деструктивным, поскольку наблюдается неуклонный рост уровня информированности человечества и достижение определенного уровня понимания происходящего. Мир пополнится современными знаниями и представлениями о действительно скрытых и открытых мировых процессах. Мировые гегемоны давно уже делают попытки договариваться о снижении темпов роста современных вооружений, повышении международного контроля за гонкой вооружений из-за неспособности финансировать и управлять подобными программами. Но все же, высокотехнологичным развитым странам на нынешнем этапе еще очень сложно изменить и перестроить свою архаичную психологию, традиции и исторически сформированные правила игры, то есть сделать это сегодня практически невозможно. Мировой кризис XXI века показал, что в наилучшем положении в этом плане могут оказаться не лидирующие страны, которые тотально не вовлечены в мировую гонку вооружений, но имеющие достаточный потенциал ресурсов и соответствующий уровень технологического развития.

В конце прошлого века классическое понятие «война» постепенно трансформировалось в понятие вооруженный «конфликт», хотя и за этим понятием все же скрываются те же сущностные, а порой и более изощренные глубокие признаки войны. *Война*, в классическом ее понимании, – это разрешение противоречий между субъектами политики средствами вооруженного насилия, используемыми в широких масштабах [4]. *Вооруженный конфликт* (conflo, conflatio, conflictio – от латинского «возбуждать, разжигать, раздувать, плавить, сталкивать, бороться») – это системное явление с использованием средств вооруженного насилия, возникновение, развитие и разрешение которого

подчиняется общим законам развития социальной системы [1, с. 13]. Поскольку главным средством разрешения глобальных противоречий в случае войны или вооруженного конфликта остается вооруженное насилие с применением ограниченных (локальных) или широкомасштабных военных операций, то в итоге все субъекты политики и само общество и в том, и в другом случае приходит к особому кризисному состоянию и напряжению. Войны или вооруженные конфликты – это всегда кровь, жертвы, разрушения и страдания сотен тысяч людей.

Современные вооруженные противостояния приобрели качественные различия по средствам и методам борьбы у противоборствующих сторон. Все современные международные военные конфликты, остаются ничем иным, как проявлением нарастающей глобализации международной политической и финансово-экономической системы, методом решения возникших противоречий, которых избран международный государственный терроризм. Все чаще для решения конфликта в последние десятилетия используются «асимметричные» войны, которые, с одной стороны, имеют много сходного с типом войны, но в главном они разительно отличаются друг от друга. Так, например, отставной офицер британских сил специальных операций SAS, ветеран событий на Фолклендах, директор частной военной организации Sandline International, полковник Тимм Спайсер заявил: «Концепция асимметричной войны – коктейль терроризма, организованной преступности, обычного регионального конфликта, проблем с природными ресурсами, контрабандой людей и массовой их миграцией, заболеваниями...» [1, с. 65].

Лингвистические корни понятия «террор» идут от латинского слова «страх» (ужас). В книге «Заметки о терроризме» (М. : Изд-во «Эдиториал УРСС», 2001) В.Е. Петрищев определяет терроризм как «систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия или угроз, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели» [4, с. 14]. Ряд дерзких

террористических актов чеченских экстремистов на территории России, кровавая деятельность разнообразных террористических организаций по всему миру, наконец, беспрецедентные по масштабам акты террористической войны в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне, Москве и Токио заставляют государства и их лидеров внимательнее взглянуть на проблемы международного терроризма, в частности и Украину. События 11 сентября 2001 года в США повергли в шок и панику все мировое сообщество. Мир узнал, что для международного террора нет границ и нет безопасных мест на планете. Обширный арсенал террористических актов сегодня варьирует от угроз, массовых убийств, похищений, взрывов, кибератак, вплоть до использования оружия массового уничтожения (химического, бактериологического и ядерного) [6; 9; 10]. Особое место в этом списке сегодня следует отвести «информационному» терроризму. Рост проявлений современного международного экстремизма и терроризма создает в мире реальные предпосылки для эскалации напряженности в отдельных регионах.

Практически все сферы жизнедеятельности человека сегодня связаны с информационными технологиями, что сделало его зависимым от их составляющих. Для того, чтобы лучше осознать масштабы распространения информационных технологий в современном мире и степень их технологической уязвимости, достаточно привести опыт ведения международных военных операций силами НАТО. Все мы сегодня реально можем стать заложниками одного из сценариев информационной войны, когда агрессору не понадобятся ни бомбы, ни ракеты, ни танки, ни самолеты и т.д. Буквально в считанные минуты любая страна или регион могут оказаться парализованными, а через несколько часов стать ареной массовых беспорядков и паники среди населения [3, с. 130].

В ближайшем будущем угроза использования радиоактивных, химических и биологических веществ в террористических целях будет неуклонно возрастать [7; 8; 11], а углубление противоречий в условиях общей глобализации мирового сообщества при отсутствии эффективных международных механизмов контроля за

производством и распространением оружия, опасных агентов, широкая доступность информации, касаясь традиционных (нетрадиционных) методов их применения, рост международной преступности, криминализация и коррупция мирового сообщества, относительно высокий уровень финансирования, профессиональной, информационной и технической оснащенности террористических международных организаций, усиливающееся сплочение и интернационализация террористических групп и преступных организаций могут привести к существенному росту международного терроризма [6; 7; 10].

В мире среди ученых, экспертов, социологов, политологов все чаще обсуждается вопрос о возможности применения террористическими организациями ядерных устройств с целью проведения ими своих акций. Под *ядерным терроризмом* понимается действия, направленные против ядерных установок (военных или гражданских), а также средств транспортировки ядерного оружия, компонентов, материалов, при которых ядерное оружие, взрывные устройства или материалы используются в качестве угрозы или для реального уничтожения людей и имущества.

Отношение к проблеме ядерного терроризма неоднозначное. Одни ученые и политики полностью отвергают ядерный терроризм, полагая, что изготовление ядерных устройств не под силу отдельным лицам или группе лиц, и человек по своей природе не может пойти на совершение таких чудовищных по своим размерам массовых убийств. Другая группа вполне допускает его, но при стечении целого ряда обстоятельств и не в настоящее время, а в будущем. Невзирая на существующую полемику, что изготовление ядерного взрывного устройства или овладение им является более трудным делом по сравнению с применением других средств, с такой реальностью необходимо считаться и уже сейчас думать об эффективных мерах международного противодействия им и недопущения подобного рода преступных действий. Террористы не случайно делают большую ставку на оружие и технологии массового уничтожения, поскольку рассчитывают на повышенный интерес к ним общественности мира. Чем больше используется

ядерная энергия в мире, тем более вероятной становится такая форма атомного терроризма, как блеф. Для использования этой стратегии не требуется иметь достаточное количество ядерного вещества, механического устройства, нет необходимости действительно решаться на массовые убийства. Нужно только создавать видимость этого. Так, согласно статистическим данным «Nuclear Emergency Search Team» (NEST), в период с 1974 по 2010 год власти США получили большое количество угроз о применении атомных бомб или подрыве ядерных устройств, причем около сотни угроз все же были классифицированы специалистами как достоверные и реальные. Опыт показал, что действенность блефа как террористической стратегии была такой же, как и при достоверной атомной угрозе. Массовая паника в марте-апреле 1979 года во время кризиса на АЭС «Three Mile Island» дает некоторое понимание о возможных последствиях такой угрозы [10, с. 14].

Известно, что 25 марта 1973 года хорошо вооруженная группа из «Революционной народной армии» атаковала аргентинскую АЭС «Атуча» и разрушила систему управления станции. Группа баскских сепаратистов в начале 80-х годов прошлого века в ходе преступных антиядерных действий совершила убийство двух сотрудников охраны ядерного реактора LEMONIS и, по крайней мере, временно остановила работу этого реактора. Как ядерные государства готовы при определенных обстоятельствах применить ядерное оружие, так и террористические группы могут прибегнуть, особенно в безвыходном положении, к ядерным средствам. Этот мотив нашел отражение, например, в замыслах «Красных бригад» или воинствующих шиитских террористов в 70-х и 80-х годах прошлого века, когда они намеревались захватить АЭС в Италии или разрушить АЭС в Индии. На протяжении последних двух десятков лет в странах СНГ также имели место анонимные обращения и открытые заявления к руководству государств об угрозах взрыва на Армянской, Белоярской, Волгодонской, Калининской, Курской, Ровенской, Смоленской и Хмельницкой АЭС, если не будут выполнены определенного рода политические или экономические требования. У современных международных

террористических организаций достаточно аргументов, чтобы убедить правительства в достоверности своих угроз (имеющиеся в их распоряжении пробы плутония, чертежи ядерных взрывных устройств, распылительных устройств и др.). Отличить блеф от шантажа чрезвычайно трудно. И эти трудности будут возрастать по мере увеличения числа охраняемых ядерных объектов, количества занятых в обслуживании и охране людей, массы используемого ядерного топлива, числа его перевозок. Активизация в 90-е годы прошлого столетия традиционных направлений терроризма (ближневосточный, сикхский, североирландский, чеченский и др.) и трансформирование его в устойчивое политико-правовое явление международной социальной жизни побудило многие страны к переоценке террористических угроз, их реальности и потенциальной опасности для общества, государства и личности. На основе таких анализов и оценок принимались решения о создании органов, предназначенных для борьбы с терроризмом, усилении и совершенствовании имеющихся.

С целью изучения проблемы ядерного терроризма в США многие годы существует организация «RAND CORPORATION», которая по заказу различных правительственных учреждений исследует проблемы, связанные с возможной угрозой ядерным центрам, сооружениям, транспортам со стороны террористов. Исходя из принципа повышенной общественной опасности ядерного терроризма, в 1985 году Институт по контролю атома создал в Вашингтоне постоянно действующую комиссию по ядерному терроризму под названием «International Task Force on the Prevention of Nuclear Terrorism», в которой работают десятки ученых из разных стран мира. В конце 1989 года достоянием мировой общественности стало сообщение о том, что в войсках ряда стран НАТО имеются специально подготовленные подразделения по борьбе с атомным терроризмом и устранению последствий атомных происшествий. Вопросу атомного терроризма уделяется значительное внимание и в странах Западной, и Восточной Европы. Правда, делается это не столь основательно. Угроза ядерного терроризма ставит сегодня перед спецслужбами задачу по разработке методики более глубокого

изучения ядерного терроризма. Объектами этих исследований являются, как правило, два аспекта — морально-психологический и технический. По заключению специалистов, осуществление вышеупомянутых мероприятий поможет спецслужбам предвидеть и нейтрализовать угрозу ядерного терроризма [6; 9; 10].

Химический и биологический терроризм означает применение химического или биологического оружия террористами для целей угрозы, поражения или убийства людей. По оценкам ООН и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), химический терроризм (химиотерроризм) и биологический терроризм (биотерроризм) входят в число наиболее опасных для общества и природы видов терроризма. Химикаты широко используются в производстве и быту, однако некоторые из них могут также использоваться для производства химического оружия. Такие химикаты определяются как химикаты «двойного назначения» [12, с. 143].

Условно к таким химическим агентам относят: *инкапаситанты* (вещества, временно выводящие из строя, сильнодействующие фармпрепараты, полицейские средства, психотропные вещества, химические средства индивидуальной защиты и др.); яды и боевые отравляющие вещества смертельного действия, которые составляют основу химического оружия, избирательно поражающие только человека. Сюда же можно включить экотоксиканты (токсичные химические вещества, производящиеся в промышленном масштабе, нефть, нефтепродукты и др.), поражающие человека и различные экосистемы. Поджог 789 нефтяных скважин, совершенный в 1991 году иракскими войсками во время войны в Персидском заливе, привел не только к нарушению экологического равновесия в регионе, но и к подрыву до этого процветавшей экономики Кувейта. По самым скромным подсчётам, ущерб экономике этой страны составил более 50 млрд. долл. [13; 14].

Особенно часто в последние десятилетия население и окружающая среда подвергаются воздействию самых разнообразных высокотоксичных химических средств, что способно привести к крупномасштабной экологической

катастрофе. Применение химических агентов в террористических целях может происходить самыми разнообразными способами. Так, во время Второй индокитайской войны (1962–1975 гг.) в результате тотального применения американскими войсками боевых фитотоксических рецептур, обогащённых высокотоксичным диоксином, был нанесен непоправимый ущерб населению и природе Индокитая, особенно на юге Вьетнама. Всего в результате отравления диоксинсодержащими веществами пострадало не менее 2,5 млн. жителей полуострова: повысился уровень смертности населения, отмечен активный рост онкологических и других заболеваний, резко увеличилось количество новорожденных детей с генетическими пороками развития и тяжелыми наследственными аномалиями. Трагические последствия этой войны будут проявляться даже через многие десятилетия после её окончания [14, с. 117].

Следует отметить, что важнейшим компонентом поражающего фактора высокотоксичных химических средств является мощный психологический эффект, парализующий волю человека или сеющий панику и хаос. Поэтому непредумышленные техногенные аварии, и даже случайное, незначительное по масштабу применение легальных химических средств или компонентов и поражающих факторов атомных устройств, реально представляют огромную опасность. В 1984 году взрыв реактора (в котором проходил синтез метилизоцианата) на заводе американской химической компании «Union Carbide» в Бхопале (Индия) произвел обескураживающий эффект на обслуживающий персонал и местное население, действия которых в первые часы после взрыва были фактически парализованы. Это привело к гибели около 3000 человек и тяжелым отравлениям более 50 тыс. населения. Поражают своими масштабами последствия аварий на Чернобыльской АЭС в 1986 году и недавние события на АЭС Фукусима.

По мнению международных экспертов, в ближайшем будущем угроза использования радиоактивных, химических и биологических веществ в террористических целях будет неуклонно возрастать [6; 9; 10; 13]. Так, в 1994–1995 гг. члены религиозной

секты Аум Сенрикё провели три террористические химические атаки в метро японских городов – Мицумото, Иокогама и Токио. Интересно, что в качестве террористического средства был избран не тривиальный химический агент, а зарин – боевое отравляющее вещество, много лет состоявшее на табельном вооружении армий некоторых стран. В итоге 19 человек погибли и свыше 4 тыс. получили отравления различной степени тяжести. Не менее поразительный случай произошел в феврале 2003 года: в результате паники и давки, возникших после распыления баллончика со слезоточивым газом в чикагском ночном клубе «Epitome», погиб 21 человек.

Широкая доступность и дешевизна химических реагентов, материалов и оборудования, постоянный поиск новых методов синтеза, возможность сегодня использовать как гражданские технологии, так и технологии «двойного назначения», делают сегодня весьма привлекательным получение высокотоксичных химических и биологических боевых веществ с целью применения их в террористических актах или в вооруженных конфликтах любого масштаба. В отличие от химического оружия разработка биологических средств еще труднее поддается контролю. Всего, по данным ООН, 26 стран имеют или располагают возможностью производить химическое оружие, из них не менее трети могут воспользоваться этим оружием в военных или террористических целях, причём число таких государств будет постоянно возрастать. Признавая этот факт, Всемирная организация здравоохранения в сентябре 2001 года призвала все страны активно наращивать свой потенциал по предупреждению, защите и ликвидации последствий применения химических и биологических агентов в качестве оружия или средств террора.

Главными источниками появления химических (биологических) средств на вооружении террористических групп остается распространение ОМП, а также целевое создание специальных террористических средств при помощи гражданских и «двойных» технологий. Несмотря на принятую в 1997 году «Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении», из-за

несовершенства международного права, отсутствия действенных политических, юридических, технических и других инструментов международного контроля, все еще нет возможности надежно перекрыть все каналы создания и распространения особо опасных химических (биологических) средств террора. Во-первых, сохраняется возможность создания новых высокотоксичных химикатов на основе нетоксичных полупродуктов с использованием гражданских технологий. Во-вторых, Конвенция разрешает проведение исследований по защитной тематике и наработку определенных количеств известных отравляющих веществ в целях поиска и совершенствования средств защиты от них. В-третьих, целый ряд стран Ближнего и Среднего Востока, мотивируя тем, что у Израиля имеется ядерное оружие, не подписали указанную Конвенцию. В-четвертых, бедные страны никогда не откажутся от химического или биологического оружия, поскольку оно является их «асимметричным ответом» на политическую и военную мощь богатых стран и едва ли не единственным инструментом давления на них. В соответствии с этим, промышленно развитые страны вынуждены тратить огромные финансовые средства на разработку соответствующих способов противодействия и высокоэффективных защитных систем, затраты на которые за последние десять лет возросли более, чем в 3 раза. Только в США разработка и совершенствование средств индикации и защиты от химических и биологических агентов проводится в рамках четырех федеральных программ, основными исполнителями которых являются Министерства обороны и энергетики, а также Агентство перспективных научно-исследовательских проектов (DARPA). Ежегодное финансирование этих программ составляет около 2 млрд. долл., а их координацию на правительственном уровне осуществляет Группа координации работ по проблемам готовности страны к отражению ОМП при Совете национальной безопасности США [8; 12; 14].

Несколько иначе обстоит ситуация в странах СНГ, для которых проблема химического и ядерного терроризма остается даже более актуальной, чем для любого из государств-членов

мирового сообщества. В настоящее время в России на 7 специализированных объектах складировано более 40 тыс. тонн боевых отравляющих веществ (ОВ) различных типов. Из них примерно 32 тыс. тонн составляют фосфорорганические ОВ нервно-паралитического действия, а 8 тыс. тонн – ОВ кожно-нарывного действия. Как показали события последнего времени, экологически безопасное уничтожение запасов химического оружия является чрезвычайно сложной в социально-экономическом и техническом отношении задачей. Хранение и утилизация такого количества ОВ потенциально представляет серьёзную угрозу для всего центрального региона России, а также стран Каспийского бассейна. Не следует также забывать: идут военные действия в Чечне, лидеры сепаратистов которой периодически угрожают применить ядерное или химическое оружие, в том числе на территории России. Трагедия «Норд-Оста» наглядно показала: органы государственного управления, спецслужбы и другие заинтересованные ведомства были не готовы к проведению спасательных работ, предотвращению и к ликвидации последствий проведенной террористами спецоперации.

Чрезвычайно сложное положение сложилось в странах постсоветского пространства, касаясь вопросов ядерной и химической безопасности (в первую очередь России и Украины), которое осложняется тремя обстоятельствами. Во-первых, на их территориях остались научно-исследовательские центры и предприятия, на которых разрабатывалось и производилось ядерное, химическое (биологическое) оружие, а также соответствующее технологическое оборудование и высококвалифицированные специалисты – физики и химики-технологи, владеющие секретами синтеза. Опыт и знания этих специалистов могут быть использованы террористическими группировками в своих целях. Во-вторых, для стран постсоветского пространства существует большая вероятность (пик которой прогнозируется на первую декаду XXI в.) возникновения техногенных аварий и катастроф вследствие того, что основные фонды предприятий, прежде всего химического комплекса, морально устарели и физически изношены. В-третьих, все это

требует создания соответствующей правовой базы, регламентирующей деятельность и ответственность государственных органов власти за предотвращение террористических актов и ликвидацию их последствий. В-четвертых, уровень коррупции и несовершенство национальных систем безопасности могут стать благоприятной почвой для террористических организаций. До сих пор практически отсутствует комплекс государственных целевых программ по разработке эффективных мер защиты и самозащиты гражданского населения при техногенных авариях или террористических актах с применением химических (биологических) агентов. Население сегодня фактически беззащитно и может надеяться только на оперативную ликвидацию последствий силами МЧС. В случае же совершения реальных террористических актов с использованием химических или бактериологических агентов можно предположить, что хаос и паника приведут к еще более многочисленным жертвам. Население сегодня не знает и не обучено самым элементарным действиям при возникновении химической или радиационной опасности. К этому можно добавить, что сегодня рынок средств радиационной, химической или биологической (РХБ) защиты находится в ужасающем состоянии. Современные индивидуальные средства индикации, дегазации и химической защиты (экспресс-тесты, аптечки, антитоды, изолирующие средства, противогазы, изолирующие ленты, спрей-дегазаторы, защитные палатки, защитные капюшоны, дегазирующие растворы и др.) отсутствуют, а те, которые остались после развала СССР, давно морально устарели.

На сегодняшний день международное сообщество уже приняло ряд совместных шагов по борьбе с терроризмом. Как известно, современная система многостороннего сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом была создана, в основном, за последние четыре десятилетия. Ее основой являются 13 универсальных конвенций и протоколов, касающихся борьбы с разнообразными проявлениями терроризма в воздухе, на море и суше, которые были разработаны и приняты в рамках ООН. Украина является полноценным участником упомянутых 13

международных конвенций и протоколов, о чем свидетельствуют темпы подготовки к ратификации Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14 сентября 2005 года по инициативе Российской Федерации. Украина первой из всех стран бывшего Советского Союза стала членом всех пяти существующих режимов экспортного контроля: Группы ядерных поставщиков, Комитета Цангера (вопросы ядерного экспорта), Режима контроля над ракетными технологиями, Вассенаарская договоренность (экспортный контроль над обычными вооружениями и товарами двойного предназначения) и Австралийской группы (контроль над экспортом материалов, оборудования и технологий двойного предназначения, которые могут быть использованы для создания химического и биологического оружия). В этом смысле Украина опережает даже ряд стран, присоединившихся к ЕС в результате последней волны его расширения.

Особо стоит остановиться на имплементации в национальную антитеррористическую систему Конвенции по запрещению химического оружия (КХО). Украина четко выполняет свои обязательства по КХО, никогда не имела намерений разрабатывать, накапливать, применять или передавать кому-либо химическое оружие. Неукоснительное соблюдение положений Конвенции является одним из основных приоритетов внешней политики нашего государства в сфере нераспространения и контроля над вооружениями. В Украине действуют соответствующие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность, связанную с имплементацией КХО, включая нормы уголовного законодательства и нормы, регулирующие передачу химикатов, список которых приводится в Конвенции. Наше государство полноценно участвует во всех 12 международных конвенциях и протоколах, относящихся к терроризму.

Борьба с терроризмом – приоритетная задача для правительств большинства государств мирового сообщества. К числу значительных изменений в 2003 году в украинском законодательстве по борьбе с терроризмом относилось принятие парламентом всестороннего «Закона о борьбе с терроризмом»,

нового Уголовного кодекса, содержащего статью 258, которая прямо определяет терроризм, и «Программы национальных антитеррористических мер». Парламент принял также дополнительные законы, включая поправки, которые приводят закон об отмывании денег в соответствие с требованиями ФАТФ. Ужесточен контроль над процедурами въезда, выезда и пребывания в Украине для представителей исламских организаций и центров, в том числе из Кавказского региона. Эти меры включают в себя сокращение периода пребывания в Украине, высылку отдельных лиц из страны и запрет на въезд. Министерство внутренних дел разрабатывает базу данных для учета и регистрации (включая автоматизированное снятие отпечатков пальцев) лиц, задержанных за нелегальное пересечение государственной границы Украины и/или незаконное пребывание в Украине. Несмотря на все предпринимаемые правительством и силовыми ведомствами мероприятия, все-таки сохраняются предрасполагающие факторы (фундамент) для возникновения очагов политического и международного терроризма в Украине. Эксперты сегодня называют следующие факторы:

1. Нестабильность, зависимость и поливекторность государственной политики, которая далека от канонов развитой демократии.

2. Несовершенство законодательной базы, системы национальной безопасности и обороны, правовой нигилизм.

3. Постоянная борьба политических и олигархических кланов.

4. Социальная незащищенность, отсутствие стабильности, низкий финансово-экономический уровень населения.

5. Многонациональность, наличие очагов межконфессиональных расприй, разнополюсность систем вероисповедания (православие, католицизм, иудаизм, ислам, буддизм и т.д).

6. Отсутствие единой национальной основы (патриотизма, национальной гордости у населения и т.д.).

7. Относительная прозрачность национальных границ.

8. Высокий уровень коррупции и преступности.

9. Большое количество неуправляемых очагов техногенных катастроф и относительная легкость к ним доступа.

10. Значительное количество взрывчатых веществ и оружия, находящихся в нелегальном обороте (только огнестрельного оружия разыскивается от 5000 до 10000 стволов).

Сегодня международный терроризм не знает границ, поэтому совместные действия отдельных государств и дальнейшие пути решения этой проблемы должны быть согласованы с усилиями всего мирового сообщества и направлены на создание новой глобальной системы международной безопасности. Очевидно, что такая система безопасности станет эффективной лишь в том случае, если она не только обеспечит надежную защиту отдельных людей или групп, регионов и стран от проявления и последствий террора, но и устранил коренные причины его (террора) возникновения как социально-политического явления [8–14].

Литература

1. Богданович В.Ю. Конфликты и войны после распада СССР / [Богданович В.Ю., Маначинский А.Я., Егоров Ю.В., Муха В.А., Бортник А.А.]. – К., 2008. – 420 с.
2. Краснов В.А. Будущие войны как угроза существования человечества / В.А. Краснов // Зарубежное военное обозрение. – 2002. – №6. – С. 14–28.
3. Куляница А.И., Коломиец О.В. Парадигмы информациологической безопасности цивилизации / А.И. Куляница, О.В. Коломиец // Проблеми міжнародних відносин; вип. 2. – К. : Київський міжнародний університет, 2011. – С. 127–140.
4. Махонин В.А. Подходы к классификации вооруженных конфликтов / В.А. Махонин // Национальная электронная библиотека. – 1998. – 244 с.
5. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме / В.Е. Петрищев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 231 с.
6. Антипенко В.Ф. Современный терроризм (состояние и пути его предупреждения в Украине) : дис... канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 / В.Ф. Антипенко. – К., 1999. – 178 с.

7. Крутов В.В. Теоретико-правовые основы борьбы с терроризмом: дис. доктора. юрид. наук: спец. 12.00.10 / В.В. Крутов. – К., 1998. – 18 с.
8. Ядерное законодательство: сборник нормативно-правовых актов. – К. : Ин. Юре, 1998. – 321 с.
9. Характеристика глобального терроризма // Государственный департамент США. – Вашингтон, 1996. – 432 с.
10. Крутов В.В. Некоторые вопросы стратегии и тактики борьбы с терроризмом в США / [Крутов В.В., Васько А.А., Нечипоренко Н.В., Ткаченко В.И.]. – К., 1994. – 294 с.
11. Бандура Е. Западные эксперты к вопросу о ядерном терроризме / Е. Бандура. – М. : Посольство СССР в ФРГ, 1989. – 133 с.
12. Лисов О., Красов Н. Уничтожение химического оружия – проблема не только России / О. Лисов, Н. Красов // Обозреватель. – 2003. – № 11. – С. 43–55.
13. Андреев В.Г. Оружие и война: новые тенденции развития / В.Г. Андреев // Обозреватель. – К. : Обозреватель, 1999. – № 5. – С. 12–13.
14. Андреев В.Г. Экологическая война как техногенная экологическая катастрофа / В.Г. Андреев. – М. : Военная мысль, 1999. – № 4. – С. 112–123.

World development is characterized by a steady increase international tensions in the world. The article makes the theoretical and conceptual analysis of the international armed conflict. Particular attention is granted the question to development forms of the terrorism.

Key words: international terrorism, security, armed conflict, civilization.

Даний етап світового розвитку характеризується постійним наростанням міжнародної напруженості у світі. У статті проведено теоретико-концептуальний аналіз міжнародних збройних конфліктів. Особливе значення надане питанню розвитку форм тероризму.

Ключові слова: міжнародний тероризм, безпека, збройний конфлікт, цивілізація.